

«Когда я отправлял своего единственного сына в далёкую, враждебную всему русскому Великобританию, сердце моё сжималось от горя двойной утраты.

Жестокое убийство моей супруги, совершённое едва ли не на глазах маленького Михаила, мои ладони в её крови, её последний выдох, светлым облачком коснувшийся моих губ, лицо сына, видящего мёртвую мать на моих руках...

Видит Бог, никто из нас не желал такой судьбы. Я знал, на что иду, в срок принимая от своего отца браслет ордена Цепных Псов, как и он, верой и правдой служа русскому трону.

Мне довелось воевать почти на всей территории Империи, от Крыма до Сахалина. Я участвовал во всех войнах, много

раз был ранен, умирал от лихорадки, вызванной отравленной иранской стрелой, я четырежды спасал жизни русских царей, но не мог защитить свою жену.

Единственное, что я сумел сделать для сына, это отправить туда, где никто не станет его искать. В самое логово нашего вечного недоброжелателя...»

(Из записных книжек капитана Николая Строгова)

Эта маленькая, толстая, потрёпанная тетрадь в кожаном переплёте, более похожая на самодельный блокнот, содержала много обрывочных сведений о моём отце. Сейчас я понимаю, что совершенно не знал его.

Когда мне было семь-восемь лет, я безумно любил его. Любил самой искренней, чистой и открытой любовью, на которую только способно мальчишеское сердце. Втайне надеясь, что он видит это, что если я буду делать всё, как он скажет, отец заметит моё рвение, станет проводить со мной больше времени, будет гордиться мной.

Когда же после того страшного дня и похорон матери отец молча отправил

меня в неизвестный и пугающий Лондон, моё детское сознание было растоптано одним словом — изгнание. Он прогнал меня с глаз, как негодного щенка, он бросил меня одного на чужбине, я больше не нужен ему, но кроме него у меня больше не осталось ни одной родной души.

Сейчас я понимал поступок моего отца. Но простил ли его? Не знаю...

— Ты уснул, что ли, паря?

Что-то, похожее на лондонский мост по тяжести и жёсткости, ударило меня в плечо, едва не вышибив из седла. Упс, похоже, я действительно уснул. Оксфордская привычка спать на лекциях то правым, то левым глазом попеременно на этот раз себя не оправдала.

— Матвей, — с чувством ответил я, стараясь максимально сохранять присущую аристократу невозмутимость, — в Британии вы бы никогда не получили даже пост дворецкого. Максимум должность вышибалы в каком-нибудь грязном портовом баре.

— Да ты на себя посмотри, джентльмен с небритой харей! А будешь спать на ходу, я вон мисс Аннушку попрошу нежной ручкой тебе по загривку леща отвесить. Не откажешь старику, доченька?

— Для вас, дядя Матвей, всё, что угодно! — лучезарно сверкнула зубками дочь английского посла.

Ну вот. Опять все против меня. Я покачал головой, отряхивая грёзы Морфея, и поскрёб ногтями щёку. Побриться действительно не мешало бы. Да и вообще, если бы сейчас кто-то видел нашу троицу со стороны, то ни за что бы не поверил, что мы прибыли из блистательной столицы Российской империи, самого Санкт-Петербурга!

Прежний костюм, хоть и в изрядно замызганном виде, сохранился лишь у старого конвойца. Полы его черкески обтрепались о колючий кустарник до эффектной бахромы. Некогда начищенные мягкие сапоги теперь стали какими-то рыжими, мятыми, со сбитыми каблуками. Кожа на ножнах кинжала расцарапана, чёрная папаха с красным верхом вообще больше напоминала какого-то неизвестного науке зверя, нагло усевшегося на покрытой серебряным ёжиком макушке нашего казака.

Мой английский костюм давно пришёл в негодность. В какой-то случайной лавке у села, названия коего вы не встретите ни на одной карте, мне были куплены грубые

штаны, сапоги армейского образца, рубаха с вышивкой и короткий тулуп. Впрочем, очень удобный, хоть и с двумя зашитыми дырами от пуль на спине.

А ещё на меня водрузили какую-то страшную лисью шапку под названием *malahay*. Перевода не спрашивайте, сам не знаю, но вид у меня в ней был совершенно дикий. К тому же она пахла псиной и постоянно сползала на глаза.

Мисс Энни поморщила носик и сразу сказала, что теперь-то она видит мой истинный облик — азиатский бандит с большой дороги! Как выглядела она сама, я, пожалуй, умолчу.

Чисто из зависти. Этот предательский денщик раздобыл ей простое длинное платье, разрезал подол по бокам, купил (или украл, у него и то и другое запросто!) неизвестно где узкие уланские брючки и аккуратный дамский полшубок. На голову она повязывала расшитый русский платок и при всём варварстве внешнего облика выглядела вполне себе привлекательно. Ну вот, умолчать не получилось...

Мы добыли достаточно хороших лошадей местной алтайской породы, невысоких, крепких и очень выносливых. С оружием, правда, беда, запасных патронов

под маленький «лефорше» нам нигде купить не удалось. За казачью шашку в серебре Матвей и выторговал наших лошадок, теперь на его поясе красовался лишь длинный дедовский кинжал.

Причём на мой шутливый намёк, что за эту вещь можно было нанять ямщика до самого Байкала, грозный казак без малейшей улыбки пообещал продать меня в рабство каким-нибудь ордынским басурманам, но кинжал не отдаст нипочём! И хотя эпоха правления Орды в этих местах давно минула, я предпочёл не рисковать...

— Вот он, Байкал-батюшка, живое море, бездонное озеро, хрустальное око Господа нашего, — не без поэтичности широко перекрестился Матвей, кивком головы указывая вдаль.

— Значит, мы прибыли? — рыженькая англичанка с воодушевлением приподнялась на стременах. Прямо перед нами, от края до края, сколько позволял обзор, раскинулась голубая зеркальная гладь одного из самых известных озёр в мире.

По своей учёбе в Оксфорде я помнил, что его часто сравнивают с морем, что его глубины мало исследованы, что над ним властвуют могучие ветра и неуправ-

ляемые течения, что здесь самая чистая вода и зимой якобы даже можно видеть сквозь лёд стаи рыб, проплывающих на три-пять-десять футов под водой!

Я сунул руку за пазуху и достал записную книжку отца. Каждый вечер при свете свечи или костра мне доводилось перелистывать пожелтевшие страницы. Словно бы впитывая его почерк, короткие заметки, таинственные истории, непонятные рисунки и знаки. Быть может, поэтому пальцы сами собой открыли нужную страницу.

— Боюсь, что именно тут нас будут ждать самые большие испытания, — пробормотал я себе под нос.

Надеюсь, меня не услышали. Последние три-четыре дня наш путь пролегал по узким тропам между высоких сопок. Общих дорог, как вы понимаете, нам давно приходилось избегать. Если бы не эти вечные блуждания по «куширям и буеракам», как выражается наш Матвей, возможно, мы прибыли бы на Байкал неделей-другой раньше. Но хуже всего, что во мне крепло нехорошее предчувствие того, что если таинственные преследователи знали о конечной цели нашего маленького отряда, то что им мешало, пользуясь широкими

дорогами, опередить нас и устроить засаду где-нибудь на побережье?

— Пошли, что ль? — старый казак тронул бока своей лошади каблуками и первым начал спуск по тропе. Мы двинулись следом, предавая свои жизни его опыту и звериному чутью человека, закалённого страшным горнилом постоянных войн и приграничных стычек. И то, что мы до сих пор живы, это, конечно, его заслуга.

— Ты чего задумался, твоё ж благородие? Рот закрой, ворона залетит, гнездо совьёт, гадить будет!

Я его убью. Вот потренируюсь ещё немало в стрельбе, вызову на дуэль и убью. Иначе он своими насмешками меня в гроб вгонит.

— Уважаемый сэръ, — с искренней вежливостью обратилась ко мне дочь английского посла, — вы не могли бы ехать впереди меня? Понимаете, когда я еду перед вами, у меня складывается впечатление, что вы меня рассматриваете. Со спины. Уж не знаю, на какой предмет...

Я покраснел.

— Нет-нет, ничего личного! Просто мне щекотно...

Вот её мне тоже хочется убить с завидной периодичностью. Ибо, если в грубо-

сти Матвея прослеживается хоть какая-то воспитательная цель, мисс Энни Челлендер изводит меня просто потому, что ей это нравится. Подойдём поближе к Байкалу, утоплю обоих...

Не успел я как следует додумать эту сладкую мысль, как откуда-то сзади раздался тонкий детский крик!

— Понеслась душа в рай! — прокомментировал старый казак поступок моей лошади, которая, прижав уши, молча бросилась на голос.

Моё мнение она игнорировала, закусив удила и не реагируя на плетль. А поскольку мы с ней являлись замыкающими, то мне и пришлось волей-неволей возглавить армию спасения. Детский крик продолжал рваться под небеса, я на скаку выхватил револьвер.

Гнедая кобыла бодро вынесла меня на небольшую полянку в гуще леса, где у корней вывернутого дерева сжалась в комочек маленькая черноволосая девочка в незнакомых одеждах. Буквально в трёх шагах от неё выгнула спину большая рыжая кошка с чёрными кисточками на ушах.

— Рысь! — скорее подумал, чем сказал я, вскидывая руку.

Три выстрела слились в один, словно бы полотно с треском разорвалось. В пороховом дыму не было видно, куда прыгнула хищница, но надеюсь, я хотя бы её ранил. Грозный окрик Матвея заставил меня броситься с седла едва ли не вниз головой.

— Девчущку прикрой, герой, штаны с дырой! А этой кошке я своей рукой короткий хвост отчекрыжу...

— Удачи, — только и смог пожелать я, отплёвываясь травой и сосновыми иглами.

Почти на четвереньках подобравшись к бедному ребёнку, мне удалось обнаружить, что ножка девочки в узорном сапожке зажата стальными челюстями капкана. Наверняка поставленного на ту самую рысь...

— Не ушла, стерва-курва драная. — Бывший конвоец с удовлетворением приподнял одной рукой безжизненное тело зверя. — А ты где стрелять-то так наострился? Три пули — и все в цель. Уважаю!

Пока мы, мужчины, тратили время на всякие глупости, как было написано на гневном личике юной англичанки, она сама уже вытирала платочком зарёванное

лицо ребёнка и даже пыталась тонкими пальчиками разжать челюсти капкана. Разумеется, ей это не удалось.

Даже под моим нажимом он открылся не сразу, но я справился. Ножка девочки была освобождена, а плакать она прекратила в ту же секунду, как только уставилась узким полумесяцем глаз на Матвея с мёртвой рысью на руках. Ну естественно, кому тут у нас главное внимание, только ему...

— С тобой всё хорошо, маленькая моя? — заулыбалась мисс Челлендер, хлопоча вокруг бедняжки. — Ножка не болит? Наступить на неё можешь? А где твои мама и папа? Ты что, сиротка-а...

Старый казак кротко вздохнул, перебросил тело рыси на седло своего недовольно храпящего коня, потом шагнул вперёд, взял ребёнка на руки и молча посадил на мою лошадь.

— Покажешь дорогу?

Девочка кивнула. Матвей взял двух лошадей под уздцы и повёл по тропинке куда-то вниз по склону. Я помог англичанке влезть в седло.

— Мы изменили цель маршрута?

— Не знаю. Думаю, что Матвей хочет отвезти ребёнка домой, в какой-нибудь